

18+ Аркадий Макаров

*И СЕЙ ДЕНЬ
НЕ БЕЗ
ЗАВТРА*

Аркадий Макаров

И сей день не без завтра

«Издательские решения»

Макаров А.

И сей день не без завтра / А. Макаров — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-512997-0

У меня за последние годы создался большой цикл записок под общим названием «Черезполосица». Представленная вещь — первая из этого цикла...

ISBN 978-5-00-512997-0

© Макаров А.
© Издательские решения

И сей день не без завтра

Аркадий Макаров

© Аркадий Макаров, 2020

ISBN 978-5-0051-2997-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

...А утром меня разбудил дятел. Он так споро колотился клювом о сучок стоящей перед окном сосны, что мне вначале подумалось: кому это пришло в голову в такую рань строчим на швейной машинке. Повернувшись на другой бок, я увидел, что швейная машинка системы «Зингер» как стояла, так и стоит в углу нетронутая. В последние тридцать лет за нее никто не садился. Это после того, как ушла от земной жизни незабвенная Евдокия Петровна, бабушка моей жены, любившая свою внучку, а заодно и меня нежным материнским чувством, заботливым и тревожным.

Швейная машинка, покрытая голубой скатеркой, напомнила мне родительский дом, далекий и призрачный, как утренняя звезда в тумане. Точно такая же машинка в рукой моей матери обшивала и кормила нас, голодных и золотушных детей послевоенного времени...

Да, действительно, самое тяжелое в жизни – это молиться Богу и доживать родителей.

Оставив городскую квартиру, чистую и уютную, как золоченая шкатулка, мне пришлось перебираться в другую область, в старинное придонское село Конь-Колодезь – название-то какое! Село расположено вдоль магистральной дороги, соединяющей Кавказ и юг России с Москвой. Село длинное, как застежка-молния, по которой туда-сюда, не гася скорости, мчатся груженые фуры и тяжелые трейлеры со всякой всячиной.

Правда, недавно была открыта объездная дорога, но она платная, и машины по старой памяти нет-нет да проутюжат притихшую было большую дорогу, распугивая обнаглевших кур и сытых вальжжных гусей.

Родители жены достигли той жизненной вершины, спуск с которой требует надежной опоры, чтобы не соскользнуть в пропасть.

В конце жизни всех нас ждет одно и то же, поэтому, подставляя плечо утомленному на долгом переходе, мы тем самым загодя готовим и себе защиту, в надежде, что и тебя кто-то поддержит на сыпучей каменной уклонистой дороге...

...А вчера была генеральная уборка. Изо всех щелей и закоулков дома наружу лезла лохматая неприглядность запустения.

Ненастному дню не к лицу цветные одежды. Поздняя осень всегда неряшлива, пока не облачится в белые одежды зимы. Старость снисходительна к окружающей обстановке. Не до того ей.

Когда жена скребла и чистила, на первых порах наводя более или менее сносный порядок, я, разбирая чердак от хлама, наткнулся на старое пыльное зеркало в деревянной самодельной оправе.

Зеркало было настолько старым, что мое отражение в нем не угадывалось. Амальгама местами осыпалась, оставляя мутные проталины. Смахнув рукавом слежавшуюся пыль времени, я обнажил сущность вещи, которая служила, по крайней мере, лет сто, равнодушно отпечатывая на своей глади мгновений образ заглянувшего в его глубины человека. Без его живого взгляда зеркало мертво. В нем ничего нет, космическая пустота. Всякое отражение отсутствует. Только глаз человека способен подарить зеркалу его глубину и наполненность.

Протирая зеркало, я заглянул в него и ужаснулся. Нежели это я?

Некрасивый морщинистый образ усталого человека испугал меня. Кривая усмешка передернула искаженные внутренними противоречиями губы. Я оглянулся назад, в паутинную завесу чердака, в надежде отыскать там образ отраженного в зеркале человека. Но за спиной у меня никого нет. Только большой и синий, как слива, паук шархнул куда-то за пазуху потемневшего от старости стропила, испуганный вибрацией паутины, задетой моим дыханием.

Позади меня никого нет. Значит, это действительно я! И печаль вошла в мое сердце и поселилась там.

«О, моя юность! О, моя свежесть!»

Я пристально стал рассматривать зеркало под разными углами, удивляясь его ветхости. Зеркало, по всей видимости, было изготовлено кустарным способом из простого оконного стекла, далеко не кондиционного: по всему полю были видны изъяны – потеки и наплывы, в одном месте белой оспиной застыл пузырек воздуха.

Конечно, коэффициент преломления в таком стекле был неоднороден и вносил в образ характерные дополнения, подчеркивая и утрируя его сущность. Так же, как человеческий глаз, в зависимости от состояния души, способен отмечать разные характеристики одного и того же предмета.

Иногда удачный шарж говорит больше, чем фотография.

Но я, кажется, отвлекся.

На сосне стучал дятел, и мелкие опилки, припорашивая хвою, осыпались на землю. Утро было свежим и чистым, как дыхание десятиклассницы в том далеком времени, куда нет возврата.

Положив мне ладони на плечи, она что-то говорила, говорила без передышки, а я все никак не мог вникнуть в смысл сказанного, все смотрел на вырез ее платья, стоял и глупо улыбался неизвестно чему. Святое время!

...А дятел все долбил и долбил свой сучок, добираясь до самой сердцевины, где какой-нибудь жучок скоблил челюстями неподатливое дерево, насыщаясь им, безразличный ко всему, что находится вне среды его обитания.

Прихватив трехлитровую банку, я отправился в дальний конец села за молоком, у ближних соседей все удои были рассчитаны заранее – кому сколько, а мне, как вновь прибывшему, надо было искать свою молочницу.

Говорят, утренний удой самый полезный, поэтому я и отправился спозаранку по дальнему адресу, который мне настоятельно рекомендовала теща.

Дорога шла через парк, насквозь пронизанный апрельским солнцем, молодым и здоровым после зимнего недомогания. Листва еще не проклюнулась, еще, как цыплята в скорлупе, притаившись, набирались жизненной силы кипельные соцветья черемухи, еще ветви акации, сухие и жилистые, стояли окоченевшие в беспомощности от прошлых морозов, но уже еле уловимая зеленоватая дымка окутала на взгорье одинокую среди тополиной поросли белоствольную русскую красавицу. Подойдя поближе, я увидел, как с неглубокого надреза ее в мягкую прозрачную бутылку, какими теперь заполнена вся торговая сеть, светлыми каплями стекал березовый сок. Бутылка была всклень, а сок все продолжал и продолжал капать, обливая шероховатую чернь комля и стекая на мягкую подстилку из прошлогодней травы. В этой мокроте копошились черные точки очнувшихся крохотных мушек.

Еще утро только начинается, а они уже готовы, набражничались, как вон тот идущий мне навстречу нетвердой походкой местный забулдыга.

Было жалко пролитой драгоценной влаги, и я, отцепив бутылку, стал пить прохладный пресноватый напиток, процеживая уже отвалившихся и плавающих в бутылки, как сон, маленьких мурашек.

Человек, увидев у меня в руках бутылку, оживленно завернул в мою сторону.

Несмотря на сравнительно теплую погоду, дядька был одет в глубокие валенки с калошами, темную телогрейку неопределенного цвета и кроличью или кошачью, теперь уже не разобрать, потертую шапку.

Скорее всего, это был ночной сторож, поставленный неизвестно зачем и охраняющий неизвестно что – какую-нибудь рухлядь в сельской конторе.

Несколько раз двинув сухим ржавым кадыком туда-сюда, он с нетерпением, переминаясь с ноги на ногу, смотрел на меня, выжидая, когда это я кончу пить и ему что-нибудь оставлю.

Я нарочно стал тянуть время. Человек, вытерев рукавом рот, решил остановить меня неожиданным разговором.

– Тоже вчера перебрал? – участливо спросил он.

– Да, было маленько! – чтобы его не разочаровывать, согласился я с тем, что и сам, как он, мучаюсь с похмела.

– Оставь щепотку!

Я протянул ему бутылку.

– Вот сколько пью – не могу без кружки! Может, стакан найдется? – Он заинтересованно заглянул в мою сумку, в которой пузатилась банка под молоко.

– Может, из банки будешь? – пошутил я.

– Ты б еще из ведра предложил.

– Ну, раз не можешь пить из горла, давай бутылку обратно, – подзадорил я его.

– Я щас! Я щас! – заговорил он быстро, прижимая запекшиеся губы к горлышку.

Закрыв глаза, он в блаженстве сделал несколько глотков, потом лицо его передернулось гримасой отвращения. Он откинул бутылку в кусты, сплюнул на землю и выматерился.

– Над человеком смеешься!

– Прости, отец, не понял?

– А чего тут понимать? Я думал, ты самогонкой лечишься втихоря от бабы, а это дрянь какая-то!

– Так это амброзия! Самая похмелка и есть.

– Какая такая абросимая? Век не слышал. Американская, что ли?

– Не американская, а настоящая русская. Березовый сок это.

– А-а... – неопределенно протянул человек, неизвестно что стороживший и неизвестно где всю ночь гулявший, пропивая потихоньку всякую хозяйственную мелочь какой-нибудь микроскопической конторы. – Березовый сок полезительный, – в раздумье сказал он. – От поноса хорошо лечит. Ты чей есть-то? – перевел он разговор на меня. – Вот вроде на лицо знакомый, а так не скажу чей.

– Да приезжай я! Не местный.

– Ах ты, мать-перемать! То-то я гляжу – не наш вроде, не коневский. Коммерцией занимаешься? Слухай! На днях свинью валить буду. Мясо почему берешь? Оптом отдам. Живым весом. Мясо, как масло сливочное. Ты свиней скупать приехал? Давай ко мне! По рукам! – он протянул корявую, как наждачная шкурка, пятерню. – А, чего ты сразу не сказал? Ты бы спросил Калину. Меня все знают. Ты почему за килограмм дашь? Абдула, чечен, с Воронежа приезжает. Так он, паразит, четвертак дает.

– Чеченец? Из Воронежа? Не может быть!

– Так он вроде чурка. Арменин, наверное. Не-е, за четвертак не отдам. Давай по-божески, за тридцатник!

Я начал его убеждать, что я не перекупщик, что я приехал к Алексею Алексеевичу, тут я назвал фамилию моего тестя, помочь старому по дому, и вообще я здесь никого не знаю, а сейчас иду за молоком к Ямщицхихе, говорят, что у нее молоко хорошее.

– Вот ты бес какой! – мужик ударил меня со всего размаха по плечу. – Так я гляжу, ну, вылитый Ликсей Ликсеич. Ох, мы с ним и вина попили, страсть! Бывало, сидим на огородах,

а он мне моргает. Давай, говорит, Калина, еще добавим! Нырк в подвал да и вытащит жбан. И мы с ним вповалку! Бывало, моя старуха нас от солнца, чтобы совсем не заморочило, в холодок оттащит, мы и спим, как два брата. Да, а молока лучше моего во всем Конне нет. Ей-богу! Дай закурить!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.